ПЛЯСЪ ИРО-
ДІАДЫ

TRIREMA
BERLIN

Published by *Antiquary*
ORANGE, Conn. USA – DUSSELDORF, West Germany

ПЛЯСЪ ИРОДІАДЫ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА

шрифтъ и рисунки Н. Исцѣленнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
TRIREMA
БЕРЛИНЪ.

La Danse d'Hérodiade
par Alexei Remisoff,
dessiné par N. Isselénof.

avec des Lithographies originales, a été imprimée au nombre de 500 exemplaires numerotés dont 50 colorés et signés par l'Artiste. — Les exemplaires pas colorés sont numerotés des chiffres arabes de 1 à 400, auquels s'ajoutent 50 hors commerce numerotés de „Им.1" à „Им.50". Les exemplaires colorés numerotés des chiffres romaine de I à XXX et 20 hors commerce numerotés de „Им I" à „Им XX". — A la première page est la reproduction de la signature de l'Auteur.
Edité 1922.

Эта книга, оригинальныхъ литографій, отпечатана въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ 50 раскрашены отъ руки художникомъ. —
Не раскрашенные экземпляры нумерованы арабскими цифрами отъ 1 до 400 и 50 экземпл. именныхъ нумерованы отъ „ИМ1" до „Им50". Раскрашенные экземпляры нумерованы римскими цыфрами отъ I до XXX и 20 экземпляровъ именныхъ нумерованы отъ „ИмI" до „ИмXX". — На титульномъ листѣ воспроизведена подпись автора
Годъ изданія — 1922.

Настоящая книга имѣетъ №:

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

А. Р.

плясъ иродіады.

Ударила крыльями
бѣлогрудая райская птица,
пробудила ангеловъ —
спохватились ангелы,
полетѣли печальные
на четыре стороны
во всѣ семьдесятъ и двѣ страны
понесли вѣсть —

свя-тый ве-черъ!

ой, коляда, коляда!
пришла коляда
наканунѣ рождества

Въ этотъ вечеръ —
святой вечеръ
Христосъ на землѣ родился,
возсіялъ ночному міру
миръ и свѣтъ.

свя-тый ве-черъ!

ой, Коляда, коляда!
пришла коляда
наканунѣ Рождества.

Непробудныя̆ сномъ спали волхвы
въ теплой просторной избѣ.
Три золотыя короны —
золотыя лампады
теплились на вѣщихъ
серебряныхъ головахъ

Разморило старыя кости —
дологъ былъ путь
и труденъ весьма.
Золото ладанъ и смирна
оттянули мудрецамъ всѣ руки.
Ходко шла звѣзда,
какъ вела ихъ къ вертепу —
едва поспѣвали.

И снились мудрымъ
чудесныя вещи —
въ сонномъ видѣніи предстали
три пламенныхъ ангела,
сказали три пламенныхъ ангела:

идите, идите, волхвы
на свою гору аравію,
не возвращайтесь къ царю
Ироду.
не добро въ сердцѣ цареви,
хочетъ царь извести
младенца.
идите, идите, волхвы!

мигомъ слетѣлъ сонъ,
будто спать не ложились.

поднялись волхвы,
помолились звѣздѣ,
младенца понянчили,
еще разъ поклонились младенцу,
пастуховъ пожурили,
и съ путеводной
по скользкимъ тропамъ
отошли инымъ путемъ.
на гору аравію въ страну свою
персидскую

и тамъ сѣли мудрые
въ столпы каменны
и сидятъ до днесь,
питаясь славословiемъ
усердно хваля всевышняго

свя-тый ве-черъ!

ой, коляда, коляда!
пришла коляда
наканунѣ рождества.

Вошелъ гнѣвъ въ сердце,
разлился по сердцу
Ирода
обманутый и осмѣянный —
тоска, тревога, страхъ
мѣдяницей жалятъ сердце
тоска, тревога, страхъ
ворономъ клюютъ царское сердце

— ибо народился царь іудейскій!

и помрачилась смущенная душа:
посылаетъ царь перебить всѣхъ
младенцевъ
отъ трехъ лѣтъ и ниже

— ибо народился царь іудейскій!

Залутились непролазные туманы по нагорью —
тутнетъ нагорное царство,
ясныя звезды и темныя
со звездами и полузвездами
затмили свой светло-яркій светъ.
держали дороги,
путали перепутья —
не всплыла святая луна
рогоногій всталъ месяцъ
на ся месте
и отъ востока до запада,
отъ земли до неба
стонъ
сталъ.

о, безуміе и омраченіе
нечестивыхъ царей!
нетъ меры и конца
жестокости.

Колыбели-гробы
не скрипятъ,
не качаются
липовыя
нѣтъ младенца живого
не погулить
не пикнуть
бездыханному.

и плачетъ мать
Рахиль неутѣшная,
не хочетъ утѣшиться,
ибо домъ ея пустъ
и нѣтъ дѣтей.

Твердо, какъ камень, молоко
а сосцы ея — желѣзо,
а сердце — адъ.

одна божія матерь не горюетъ:
къ ея дѣвичьей груди
приливаетъ
теплое молоко;
не тужитъ.
и увлажняются глаза непорочные
радостью обрадованной
кормящей матери

одинъ живъ младенецъ святъ —
одинъ
Исусъ
Христосъ

у сѣдого корочуна —
укрылъ корочунъ странниковъ,
на томъ свѣтѣ старому
стократы зачтется!
у сѣдого дѣда въ хлѣву
лежитъ въ ясляхъ
младенецъ.

Конь подъѣлъ подъ нимъ сѣно,
топаетъ ногой,
какъ топалъ,
когда бѣлый ангелъ
зажегъ звѣзду надъ вертепомъ

сонно жуютъ волы жвачку.
не мукнутъ
не шевельнутся —
не чета вороному!

укоряетъ коня богородица:
зачѣмъ съѣлъ все сѣно!
и стелетъ солому,
повиваетъ сына —

свя-тый ве-черъ!

ой коляда, коляда!
пришла коляда
наканунѣ рождества.

на черной горѣ
на семидесяти столпахъ
златоверхіе три бѣлыхъ терема.
вокругъ теремовъ желѣзный тынъ —
булатныя вереи,
на каждой тынинкѣ по маковкѣ,
на всякой маковкѣ по черепу.
не подойти злой вѣдьмѣ,
не подступиться къ теремамъ
и на семь верстъ:
не любы ей мѣдныя ворота да желѣзный тынъ
заворожены!

въ мѣдныхъ сапогахъ, въ желѣзной одеждѣ
Иродъ царь
празднуетъ поганый казаръ новолѣтіе-
жатвенный пиръ.

на царскомъ дворѣ
запалили костры,
на царскомъ дворѣ
кипятъ котлы:
пшеничное вино,
червонное пиво,
сладкіе мёды.
полонъ дворецъ гостьми,
не сосчитать ликомъ —
биткомъ набиты три терема.

веселые люди, потѣшники —
и звонкіе гусли гудутъ
скоморохи, глумцы, кукольники
и ловка̀ и вертка̀
береза̀-коза.
въ лентахъ бренчитъ погремушами
удэноши, зачерненные сажей,
игрецы и косматые хари-
кони, волки,
кобылы, лисицы,
старухи, козлы,
турицы, аисты, туры,
павлины, журавли
пѣтухи

там пляшут со слѣпой рыжей сучкой,
вертятся вкруг чучелы съ льняной бородой,
тамъ обвитые мокрымъ полотномъ
рукопашь борются съ лютымъ звѣремъ,
тамъ безволосые прыгаютъ съ обезьянкой
через жерди.
разносятъ утыканныя серебромъ яблоки-
пожеланья,
визгъ, драка, возня
и подачки
осыпаютъ, осѣваютъ зернами,
кличутъ плугу,
гадаютъ –
и на сивой свинкѣ выѣзжаетъ самъ Усень
– овсеневыя пѣсни –

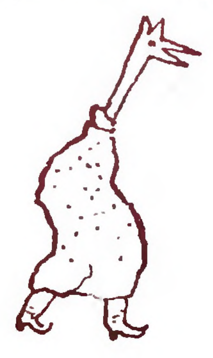

Заря-Усень!
Синь Зелень Овсень!
приди къ намъ!
Таусень, Таусень!

бьютъ въ заслонки, рѣшота, тазы, сковородки.

и бродятъ мартыны безобразные
да медвѣдчики съ мохнатыми плясовыми
медвѣди

непозванные садятся за столъ,
беззапретно ковыряютъ свиную морду,
навально ломаютъ изъ чистаго жита калачъ,
объѣдаются румянымъ пирогомъ,
лопаютъ пышки лепешки
непрошенные пьютъ крѣпкую чашу

ого-го, коза!
переминается съ ноги на ногу,
поворачивается на копыточкахъ
на серебряныхъ
и вдругъ дрожитъ сѣрая, что осиновый листъ,
дрожитъ и не съ мѣста

Завизжали собаки,
Заметались медвѣди —
громыхаютъ цѣпями,
рвутъ кольца —
на дыбы толстопятые.

То не бубны бьютъ,
не сопѣли сопятъ,
не бузинныя дуды дуютъ,
не домра не сурна дудитъ,
не волынка, не гусли,
тимпаны —

Красная панна
иродіада
дочь царя пляшетъ

бѣлая тополь,
бѣлая лебедь,
красная панна.

стелютъ волной, золотыя волнуются волосы—
такъ въ грозу колосятся колосья
бѣлоярой пшеницы
и стелютъ волной, золотыя подымаются косы—
сплетаясь вершинами сходятся—
двѣ высокія вѣтви
высокой яблони
а на вѣтвяхъ въ бѣлоалыхъ цвѣтахъ
горятъ свѣточи,
и горятъ—
и жгучимъ оловомъ слезы
капаютъ.

а руки ея—
рѣки текутъ.
изъ мѵра-
мѵровыя,
изъ прозрачныхъ водъ—
бѣлоалыя.

а сердце ея —
криница,
полная вина краснаго
и пьянаго
а въ сердце ея —
одинъ
онъ одинъ,
онъ одинъ,
онъ въ пустынѣ
оленемъ рыщетъ.

бѣлая тополь,
бѣлая лебедь,
Красная панна

онъ одинъ,
онъ въ пустынѣ
оленемъ рыщетъ
~
а руки ея –
рѣки текутъ
изъ мура-
муровыя,
изъ прозрачныхъ водъ –
бѣлоалыя.
~
а сердце ея –
криница,
полная вина краснаго
и пьянаго.
~

и восходитъ надъ міромъ навстрѣчу
солнцѣ пустыни,
раскаленной пригоршней взрываетъ
песчаныя нивы —
и идутъ лучи
черезъ долины и горы,
черезъ долины и горы
по курганамъ
по могиламъ
по могильнымъ холмамъ,
по могильникамъ —
Закидываетъ солнце лучи
черезъ желѣзный тынъ
въ бѣлый теремъ —

быстры, какъ стрѣлы, и остры
глаза царевны:
она проникаетъ въ пустыню —

онъ въ пустынѣ
облеченный въ верблюжью кожу,
онъ креститъ
небо и землю,
солнце и мѣсяцъ
горы и воды —

бѣлая тополь,
бѣлая лебедь,
красная панна

онъ въ пустынѣ,
онъ креститъ
небо и землю
солнце и мѣсяцъ
красную панну-
онъ креститъ
въ криницѣ-
ея сердце-
криница,
красная, пьяная
и кипитъ
и проситъ.

не надо ей царей, королей
королевичей,
онъ — единственный
женихъ ея,
она-невѣста.

и сердце ея отвергнуто!

осень.
осѐнины,
синiе вѐчеры.

синимъ вечеромъ одна тайкомъ
одна тайкомъ
изъ терема она
на iорданѣ —
въ iорданѣ крестилась
— крестилъ Купало —

и сердце ея отвергнуто!

не надо ему дворцовъ, золота,
царской дочери
не надо сердца сердцу
обрученному
со Христомъ
Женихомъ небеснымъ
и вопленицы не станутъ причитать
надъ ней,
не посѣтуетъ плачѐя,
не заголоситъ пѣвуля,
не завопитъ вытница.

осень,
осѐнины,
синіе вечеры.

ой рано, рано
птицы идъ ирья по небу плывутъ
ой рано, рано
Таусень! Таусень!

красная панна
Иродіада
дочь царя пляшетъ
и пляшетъ неистово быстро
и бѣшено
панна стрѣла
пляшетъ метелицу,
пляшетъ завѣтницу
навечеріе – святъ вечеръ,
ночи – сквозь,
ночь.

и всталъ царь —

не дуютъ дуды,
не кличутъ плугу,
Замолкли сурны, домры;
Зачерненные сажей жутко
шмыгають удоноши,
сопятъ медведи.

— чего ты хочешь Иродіада,
и клянется
— чего не попросишь, я все тебѣ дамъ!

прожорливое пламя — огнь желаній,
тоска,
тоска любви неутоленной
неутолимо
жжетъ.

— хочу, чтобы ты далъ мнѣ голову Купалы!

и опечалился царь.
опечалился бѣлый златоверхій теремъ.
Зачерненныя сажей жутко
шмыгают удоноши,
сопятъ медвѣди–

~

Красная панна!
Несчастная панна!

Зажурилась черная гора.
Тутнетъ нагорное царство.

повелениемъ царя усечена
голова
ивана крестителя

нагорное царство —
туда ветеръ круглый годъ не заходитъ
на черной горе.
и кручинится.
белая порошица выпала —
белая кроетъ
порошитъ кручину
да черную гору.

Свя-тый ве-черъ!

ой коляда, коляда!
пришла коляда
накануне рождества.

звонче мѣди, крѣпче желѣза
царская власть–

о, безуміе и омраченіе
нечестивыхъ царей!
нѣтъ мѣры и конца
жестокости

онъ не рыщетъ въ пустынѣ
сивымъ оленемъ,
не креститъ въ рѣкѣ Іорданѣ
пророкъ божій, предтеча
въ темницѣ.
его тѣло одѣяно кровію–
гроздію
и въ село до села
не пройдетъ его голосъ–

свя–тый ве–черъ!

ой, коляда, коляда!
пришла коляда
накануне рождества

въ прогалинахъ бѣлой порошицы
въ ночи
показалась луна
въ зеленыхъ долинахъ на кругорогой
магдалина
прядетъ свою пряжу
-осеннюю паутину-
богородичны нити.
Тихій ангелъ изъ терема
залетѣлъ на луну
къ магдалинѣ.

-о чемъ ты плачешь тихій ангелъ?
-какъ мнѣ не плакать :-
моя панна Иродіада
свои дни считаетъ

свя-тый ве-черъ!

ой, коляда, коляда!
пришла коляда
наканунѣ рождества

Красная панна!
несчастная панна!

на серебряномъ блюдѣ,
полотенцемъ окрытая,
съ тяжелой золотой царской вышивкой
голова крестителя

Зарная змѣйка съ лютымъ жаломъ
въ рукахъ царевны,
острая вспыхиваетъ
въ рукахъ царевны
надъ головой Купалы

и красная изъ проколотыхъ оленьихъ глазъ
по бѣлому кровь потекла
и не канетъ,
течетъ ей на бѣлую грудь,
прямо въ сердце,
въ ея сердце -
ея сердце -
криница
не виномъ
огнемъ напоена

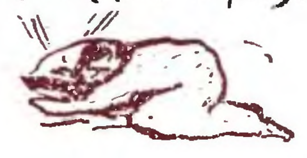
краска –
слѣча вѣчальная
Иродіада
надъ головой крестителя

она даетъ ему послѣднее
въ первый разъ,
первое
въ послѣдній разъ
цѣлованіе

стучитъ
сердце,
колотится.

раскрыты губы къ мертвымъ,
горячія –
къ любимымъ устамъ
тоска
тоска любви неутоленной
неутолимой –

стучитъ
сердце
колотится
отвергнутое сердце!

и очервнѣлись мертвыя
зашевелились холодныя губы
и вдругъ, отшагнувшись отъ поцѣлуя,
дыхнули изступленнымъ дыхомъ
пустыни.

Задрожала гора,
вздрогнулъ теремъ,
выбило кровлю,
согнулся желѣзный тынъ,
подломились ворота.

попадали чаши и гости.

кто куда, какъ попало:
царь, царица,
глумцы, скоморохи,
кони, волки,
кобылы, лисицы,
старухи, козлы,
турицы, аисты, туры,
павлины, журавли,
пѣтухи
и береза-коза
и медвѣди —

пусто мѣсто — !

злая вѣдьма,
а съ ней ея сестра,
одна другой злѣе,
безъ зазора, безъ запрета
ринулись по черной горѣ —
прямо въ теремъ
и другія червями
ползли по черной горѣ —
прямо въ теремъ.
тамъ заиграли велику —
чортовъ плясъ
шипѣли полосатые черви,
растекались,
подползали,
— чтобы живьемъ заѣсть поганаго казара —
царя Ирода

слышенъ ихъ свистъ за семижды семь верстъ

въ вихрѣ
вихремъ унесло Иродіаду

красная панна
Иродіада —

несется неудержимо,
навѣкъ обращенная въ вихорь —
буйный вихорь
плясовица проклятая
и плящетъ
по пустынѣ, вдоль долины, вверхъ горы —
надъ лѣсами,
по рѣкамъ, по озерамъ
по курганамъ, по могиламъ,
по могильнымъ холмамъ
по могильникамъ —
и раздираетъ черную гору,
сокрушаетъ нагорное царство,
нагоняетъ на небо сильныя тучи,
потемняетъ свѣтъ,
крутитъ вѣтры,
виритъ волны,
валъ на валъ —
плящетъ, плясея проклятая.

бѣлая тополь,
бѣлая лебедь.

и тѣсно ей,
тѣснится грудь,
и красный знакъ вокругъ шеи
красной огненной ниткой
жжетъ,
но пляшетъ.
не можетъ стать,
не знаетъ покоя,
вся сотрясаясь,
все сотрясая.

Такъ вѣчно на вѣчно
до скончанія вѣка,
на вѣки
безконечные.

